

Преображенский Иван Васильевич

**Новый и традиционный духовные
ораторы**

**О.о. Григорий Петров и Иоанн
Сергиев (Кронштадтский)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Васильевич П.**
Новый и традиционный духовные ораторы: О.о. Григорий Петров и Иоанн Сергиев (Кронштадтский) / Преображенский Иван Васильевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 42 с.

ISBN 978-5-519-79501-2

ISBN 978-5-519-79501-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Но не столько обращают на себя вниманіе темы, которыя трактуетъ ораторъ, сколько способы ихъ раскрытія, — тѣ поясненія и доказательства, которыя при этомъ онъ употребляетъ. Въ этомъ отношеніи о. Петровъ, пастырь православной Церкви, стоитъ совершенно особнякомъ. Никакимъ образцамъ онъ не слѣдуетъ, и даже болѣе того, ораторствуетъ наперекоръ всѣмъ образцамъ.

Прежде всего, о. Петровъ не позволяетъ себѣ ссылокъ на какіе-либо авторитеты Церкви, включительно до ея отцовъ и учителей. Онъ ихъ положительно игнорируетъ. Повидимому, за эту абсолютную свободу отъ того, что *magister* говоритъ, г. Розановъ особенно похваляетъ о. Петрова и послѣдній всячески старается оправдать эту похвалу. Но, быть можетъ, они вполнѣ единомысленны, и о. Петровъ игнорируетъ всякіе авторитеты христіанской Церкви не въ угоду г. Розанову, а по убѣжденію, желая сохранить за собою свободу толкованія, объясненія предмета. Но не странно-ли такое единомысліе между г. Розановымъ и о. Петровымъ? Первый открыто и рѣшительно объявилъ о своемъ нежеланіи быть «въ кулачкѣ» какихъ-либо іерарховъ, нынѣшнихъ или минувшихъ («Н. Вр.» № 9350) ¹⁾, а второй пока самъ принадлежитъ къ членамъ опредѣленной (православной) іерархіи. Въ первомъ такое отношеніе къ авторитету православной Церкви нисколько не удивительно, а во

по Евангелисту Маттею, І. Христосъ «нищимъ духомъ» общается Царство *Небесное*, а по Евангелію Луки—Царство *Божіе* (VI, 20). Но неужели во св. Евангеліи могла бы быть допущена такая взаимная замѣна этихъ понятій, если бы между ними существовало столь рѣзкое различіе, которое усиливается установить о. Петровъ?

¹⁾ Г. Розанову, повидимому, желательно самихъ іерарховъ-то и нынѣшнихъ и минувшихъ зажать въ свой кулакъ.

второмъ оно прямо-таки не естественно. За всѣмъ тѣмъ, признаніе авторитетовъ вовсе не исключаетъ свободы изслѣдованія. Положимъ, даны къ рѣшенію тѣ или другія теоремы. Рѣшайте ихъ съ полною свободою. Но если теоремы эти уже рѣшены специалистами, то здравый смыслъ подсказываетъ провѣрить свое рѣшеніе уже съ имѣющимся, и въ случаѣ различія въ рѣшеніи доказать свою правоту или сознаться въ своей ошибкѣ.

Не на всѣхъ бесѣдахъ о. Петрова пришлось намъ быть; но на тѣхъ, которыя нами прослушаны, ораторомъ ни разу не произнесено такихъ, напр., словъ: угодникъ Божій, Пресвятая Богородица, рай, адъ, спасеніе, таинство, благодать и даже слово... Церкви¹⁾. Собесѣдованія его на нравственныя темы (по крайней мѣрѣ, прослушанныя нами) таковы, что подъ ними безъ всякаго затруд-

¹⁾ Избѣгаетъ о. П-въ употребленія такихъ словъ и въ своихъ сочиненіяхъ. Вотъ что, напр., замѣчаетъ г. Козицкій о сборникѣ о. П-ва — *Божій Путь*: «Почтенный авторъ — іерей ни однимъ (курсивы автора) словомъ, ни въ одномъ изъ своихъ разсказовъ не обмолвился о церковныхъ установленіяхъ и іерархіи, о вседѣйствующей благодати таинствъ, возраждающихъ человека въ новую и святую жизнь, освящающихъ и укрѣпляющихъ усилія его воли идти по пути правды Божіей, о Церкви, какъ руководителницѣ вѣрующихъ сыновъ въ дѣлѣ спасенія. Причины такого умолчанія мы хотимъ видѣть въ односторонности увлеченія со стороны автора проповѣдію только моральныхъ началъ христіанства, забвеніемъ мистической, таинственной его силы. Но это умолчаніе, какъ справедливо замѣчаетъ г. Козицкій, создаетъ почву для произрастанія плевель, могущихъ въ сознаніи темнаго читателя (для котораго книжка и предназначена) заглушить и чистую пшеницу. Осмотрительность и осторожность и съ этой стороны при изданіи народныхъ разсказовъ въ наше сектофильствующее время должны быть обязательны. Зло посѣять на нивѣ сердецъ «сихъ малыхъ» и слабыхъ духомъ разума можно невольно, а искоренять плевелы бываетъ очень и очень трудно» (см. «Мис. Обзоръ» мѣс. Ноябрь, 1902 г., стр. 707—708).

ненія могъ бы подписаться любой сектантъ, еретикъ съ рационалистическимъ направлеиємъ, хотя бы даже и самъ графъ Л. Н. Толстой ¹⁾. Недаромъ о. Петровъ однажды (въ г. Москвѣ) признался Толстому ²⁾, что онъ, о. Петровъ, готовъ ѣхать рядомъ съ нимъ на чемъ угодно, хотя бы на трубѣ паровоза. (Это признаніе — отвѣтъ о. Петрова на замѣчаніе ему графа, собиравшагося подняться на имперіалъ конки, что для священника неудобно сопутствовать ему на имперіалѣ). Какой, однако, о. Петровъ неотступный послѣдователь за Толстымъ!... Недаромъ, съ другой стороны, сектанты говорятъ объ о. Петровѣ: «вотъ, это нашъ проповѣдникъ»...

Чѣмъ же, по крайней мѣрѣ, самъ о. Петровъ объясняетъ такой, совсѣмъ необычный для православнаго пастыря, характеръ своего проповѣдничества? Нѣкоторый ключъ къ уразумѣнію этого можно находить вотъ въ чемъ. Однажды, доказывая заслуги графа Толстого въ интересахъ христіанства, о. Петровъ высказалъ ту мысль, что своими трактатами на евангельскія темы Толстой привелъ свѣтское общество къ Евангелію, заставилъ его читать Евангеліе, размышлять надъ нимъ, поучаться изъ него нравственной жизни ³⁾. «Настъ-де, церковниковъ,

¹⁾ Подъ иными и изъ напечатанныхъ произведеній о. П-ва «подпишется любой сектантъ-еретикъ» («Мис. Обзоръ» 1902 г. мѣс. Ноябрь, стр. 706).

²⁾ Должны, однако, замѣтить, что это признаніе сдѣлано о. Петровымъ ранѣе объявленія отъ Св. Синода объ отпаденіи Толстого отъ Церкви. Затѣмъ, о признаніи этомъ повѣдалъ самъ о. Петровъ предъ многочисленными слушателями и со всею откровенностью. И это было также до изданія извѣстнаго «посланія» Св. Синода.

³⁾ Напрасно только о. Петровъ не досказалъ, что графъ Толстой, подведя общество къ Евангелію, пояснилъ, что Евангеліе нужно понимать по его, *толстовскому*, толкованію, и что къ нашему канони-

общество не слушаетъ, а Толстого послушало: въ этомъ его и заслуга». Вотъ, вѣроятно, чтобы заставить себя слушать, о. Петровъ такъ и боится набросить на себя и малѣйшую тѣнь церковности.

Но та масса слушателей, которую имѣетъ о. Петровъ, говоритъ-ли о томъ, что онъ достигаетъ своей цѣли именно тѣмъ, что упорно отрещивается отъ всякой церковности?—Позволяемъ себѣ усумниться. И вотъ живое основаніе для нашего сомнѣнія.

Кому неизвѣстенъ отецъ Іоаннъ Сергіевъ (Кронштадтскій) и какъ проповѣдникъ, истолкователь слова Божія? По характеру своихъ духовныхъ бесѣдъ и въ храмѣ, и въ общественныхъ собраніяхъ, и въ частныхъ домахъ о. Іоаннъ—ораторъ, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова, традиціонный и, какъ таковой, діаметрально противоположенъ о. Петрову. Вотъ, для примѣра, одно изъ поученій о. Іоанна (18 Апрѣля 1902 г.) на Леушинскомъ подворьѣ на дневное евангельское чтеніе—«Бесѣда Іисуса Христа съ Никодимомъ». Въ этомъ поученіи примѣнительно къ содержанію Евангелія, о. Іоаннъ развиваетъ мысли о необходимости для всякаго христіанина таинствъ крещенія, покаянія и причащенія, вопреки ученію толстовцевъ, пашковцевъ и др. еретиковъ и горячо призываетъ всѣхъ не внимать баснямъ еретиковъ, а крѣпко держаться ученія и вѣрованій православной Церкви. Произнесеніе такого или подобнаго поученія было бы для о. Петрова такимъ же неподходящимъ дѣломъ, какъ, напр., пошеніе при мундирѣ прокурора священнической камилавки.

Но развѣ у о. Іоанна мало слушателей? Нѣтъ, ихъ массы. Но, скажутъ, тамъ простонародье. — Неправда: тамъ люди всякаго званія и положенія и разныхъ сте-

ческому Евангелію Толстой относится съ возмутительнѣйшимъ кощунствомъ.

пеней образованія ¹⁾). Впечатлѣніе, производимое бесѣдами о. Іоанна, неизмѣримо глубже и сильнѣе. — Съ обычными своими достоинствами велѣ о. Петровъ одну бесѣду для интеллигенціи. На бесѣдѣ этой былъ г. Розановъ. Бесѣда о. Петрова, однако, не превозмогла наклонности этого слушателя къ привычному для него послѣобѣденному сну. — «И я, — признается онъ, — спалъ». На одной изъ вечернихъ бесѣдъ о. Петрова на страстной седмицѣ мы, также, почти заснули. Слушателей, зѣвавшихъ въ ладонь и открыто, — правду говоримъ, — было не мало. — Совсѣмъ иное представляютъ слушатели подъ впечатлѣніемъ поученій о. Іоанна. Всѣмъ сердцемъ чувствуя, какъ тоскуетъ современный человѣкъ, какъ больна его совѣсть, измучена душа, о. Іоаннъ въ духовныхъ своихъ бесѣдахъ не является лишь безжалостнымъ холоднымъ прокуроромъ, имѣющимъ одну только цѣль: все обвинять и обвинять этого «вѣчнаго преступника» (человѣка); но вмѣстѣ съ правдою грознаго обличенія онъ несетъ и великое утѣшеніе. Его бесѣда потрясаетъ все

¹⁾ Глубоко заблуждаются тѣ, которые утверждаютъ, что интеллигенція наша не внемлетъ о. Іоанну, и онъ не для нея. Нѣтъ, и патентованная, такъ сказать, интеллигенція, прошедшая «черезъ всѣ перипетіи сомнѣній, колебаній, исканій», вкусившая даже отъ яда толстовщины, и та ищетъ знакомства съ о. Іоанномъ и только въ духовномъ общеніи съ нимъ находятъ счастье, миръ души, замѣняющій мучившій ее дотолѣ внутренній разладъ. Въ этомъ искренніе интеллигенты открыто и признаются. Изъ числа многихъ прочихъ такъ поступила и нѣкто Вѣра В-ва (см. «Тул. Е. В.» 1902 г. № 9—10). Тѣ же интеллигенты утверждаютъ, что о. Іоаннъ «по силѣ своего духа, таланта, вѣры, убѣжденія *достойнъ удивленія*» (ibid). — Не очевидное-ли заблужденіе думать, что такой пастырь, къ тому же высокообразованный, просвѣщенный, не въ состояніи понять и соотвѣтственными мѣрами врачевать духовныя болѣзни нашей интеллигенціи?... Цѣлый облакъ свидѣтелей изъ интеллигентовъ же заставляетъ признать такое мнѣніе именно заблужденіемъ.

существо слушателя. Очень часто слушатели не дают ему докончить бесѣды возгласами признательности, раскаянія, духовнаго восторга; изъ глазъ ихъ льются слезы, сопровождаемыя иногда рыданіями, но эти слезы не слезы отчаянія, а слезы умиленія, радости духовной, служащія благодатнымъ елеемъ для больной, страдающей души. Не думайте, что, слушая о. Іоанна, плачутъ только мужики да бабы,—нѣтъ, вмѣстѣ съ мужиками и бабами плачутъ профессора и офицеры гвардіи. — И о. Петровъ устремляетъ мысль и любовь своихъ слушателей туда, «гдѣ тяжело дышется, гдѣ горе слышится», но дѣлаетъ онъ это безъ всякой мысли о небесномъ и, поэтому, не несетъ слушателю сердечной вѣры въ благодатное цѣленіе свыше, не врачуетъ его страдающей души примиреніемъ въ Богѣ, милующемъ и спасающемъ насъ не по нашимъ заслугамъ, а ради Искупителя нашего. — О. Іоаннъ болѣе, чѣмъ кто-либо, проникнутый любовью къ ближнему, настойчиво внушающій эту любовь и другимъ, прежде всего и болѣе всего стремится къ тому, чтобы вознести умъ и сердце своихъ слушателей къ небесному. Только указывая на небо, поддерживаетъ онъ согбеннаго, падающаго подъ непосильной ношей страдальца. При этомъ такой лаской окружаетъ cadaго убитаго горемъ, бѣдностью, несчастіемъ, — такимъ уходомъ, за его больной душой, что страдалецъ жаждетъ принасть къ его любвеобильной груди и выплакать на ней свое горе. — Иначе относится о. Петровъ къ душѣ своего слушателя. Онъ чернитъ и поноситъ ее за ея недостатки даже неприличными эпитетами. Ни разу не назвавъ души людей грѣшными, онъ очень часто обзывалъ ихъ «скотскими» (это чаще всего), «гнуемыми», «гадкими», «мерзкими», «отвратительными», «зловонными», какъ «загрязненная, зараженная потокомъ нечистотъ, рѣка». Къ о. Петрову, на его

грудь, не бросится за облегченіемъ истерзанный душою страдалецъ. Это,—думаемъ,—показалось бы нелѣпостью и самому оратору. И такіе едва-ли идутъ на его бесѣды. Вотъ, ради празднаго любопытства немало ищутъ *послушать* о. Петрова. Такъ и говорятъ: хотѣлось бы «разокъ» послушать о. Петрова (точно какого рассказчика): «я разъ уже слышала»... Про о. Петрова должно сказать, что онъ своими бесѣдами нравственно поучаетъ, а о. Іоаннъ еще и успокаиваетъ, утѣшаетъ обездоленнаго жизнью — небесною ласкою, врачуетъ благодатными, небесными средствами смятенную, изъязвленную грѣхами душу, призываетъ ко спасенію.

Съ большою выразительностью сказано г. Розановымъ о простонародной толпѣ слушателей о. Петрова въ помѣщеніи при Мраморномъ Дворцѣ. Но наличие этой толпы, по мнѣнію нашему, говоритъ болѣе о жадѣ народа слышать слово назиданія, нежели о талантахъ о. Петрова. Особенно же тутъ не при чемъ вышеобъясненный характеръ его бесѣдъ. Мы можемъ представить примѣръ по-выразительнѣе.

Года три тому назадъ религіозно-нравственными бесѣдами въ залѣ фонъ-Дервизъ на Васильевскомъ Островѣ руководилъ священникъ Смоленско-кладбищенской церкви, о. Стефановскій. Кому извѣстенъ сей о. Стефановскій, кромѣ тѣхъ, кто лично имѣлъ къ нему отношеніе? Скромный, безвѣстный труженикъ на своемъ скромномъ посту и больше ничего. Однако, вотъ чего достигалъ онъ. На бесѣды въ залѣ фонъ-Дервизъ слушатели собирались въ такомъ огромномъ количествѣ, что нашли нужнымъ, въ предотвращеніе крайней тѣсноты, разсылать входные билеты въ *опредѣленномъ количествѣ* на фабрики и заводы. Но это не умалило числа приходившихъ *къ залу*. Чтобы удовлетворить всѣхъ, признано было нужнымъ

одну и ту же бесѣду вести дважды въ день — разъ за разомъ, но и этого оказалось мало. Рѣшили три раза повторять бесѣду. И это еще когда?—на масляницѣ, на послѣднихъ ея дняхъ, когда такъ много всевозможныхъ соблазновъ для народа... И предъ наступленіемъ масляницы публички задолго до начала бесѣды собиралась къ дому фонъ-Дервизъ такая масса, что она стѣсняла движеніе не только на тротуарѣ, но и по части улицы. При такомъ скопленіи народа необходимо было присутствіе полиціи. До масляницы въ полицейскихъ чинахъ недостатка не было, но при ея приближеніи отъ мѣстной полицейской части было заявлено, что на дни масляницы къ зданію фонъ-Дервизъ полицейскихъ чиновъ не можетъ быть дано, такъ какъ весь наличный составъ ихъ будетъ откомандированъ въ мѣста народныхъ гуляній. О. Стефановскій вынужденъ былъ объясниться непосредственно съ градоначальникомъ, и тогда наряженъ былъ полицейскій резервъ.

Фактъ, на который мы указываемъ, много краснорѣчивѣе отмѣчаемаго г. Розановымъ. Объ о. Стефановскомъ печать, а подъ ея вліяніемъ, стоустая молва не трубили, проповѣдническій талантъ его не манифестировался. Не помнимъ, чтобы печать отмѣтила, хотя бы нѣсколькими словами, самый фактъ столь выдающагося успѣха его духовныхъ бесѣдъ.—Не то видимъ мы со стороны печати и устной молвы въ отношеніи къ о. Петрову... Спѣшимъ, однако, оговориться, что мы не думаемъ утверждать, чтобы успѣхъ бесѣдъ о. Петрова зависѣлъ, подобно «Кузьмичевой травѣ», только отъ рекламы, которую дѣлали ему и устно и при помощи печати его почитатели. Но наличіе этой рекламы во всякомъ случаѣ не къ славѣ о. Петрова. Не будь ея, ни для кого не было бы и малѣйшаго повода и основанія къ вопросу,

отъ котораго теперь иному трудно отвязаться: выдающийся-ли ораторскій талантъ о. Петровъ, или онъ раздутая рекламою «Кузьмичева трава»? ¹⁾).

Мы сравнивали видимые успѣхи бесѣдъ о. Петрова и о. Стефановскаго. Нужно-ли прибавлять, что бесѣды какъ самаго о. Стефановскаго, такъ и другихъ, подъ его руководствомъ, велись въ строго церковномъ духѣ, съ ссылками на авторитеты, на отцовъ и учителей Церкви. Мы рѣшительно не допускаемъ, чтобы усердное чтеніе Златоуста могло повредить кому-либо въ успѣхѣ его проповѣдничества. Бездарность, дѣйствительно, можетъ оказаться безуспѣшною сколько съ Златоустомъ въ рукахъ,

¹⁾ И это тѣмъ болѣе, что, восхваляя ораторскій талантъ о. П—ва, почитатели его увлекаются иногда до того, что допускаютъ искаженія въ передачѣ даже самой простой, фактической стороны дѣла. Напр., въ № 277 «П. Газ.» за 1902 г. нѣкто Н. М—въ, интервьюировавшій о. П—ва, повѣствуетъ, что, будто бы, самъ о. П—въ ему, г. М—ву, говорилъ слѣдующее: «Я веду два рода бесѣдъ—однѣ чисто народныя, въ большой аудиторіи Михайловскаго Артил. Училища, а другія для интеллигенціи—въ манежѣ Мраморнаго Дворца... Контингентъ аудиторіи Артил. Училища состоятъ изъ простыхъ людей, солдатъ, служителей и проч.; собесѣдованія же въ манежѣ Мраморнаго Дворца, по внѣшности, являютъ собою видъ свѣтскихъ раутовъ—эффектные наряды дамъ, ароматы модныхъ духовъ, преобладаніе французской рѣчи...» и проч. Помилуй, Богъ, какая обстоятельность интервьюера въ передачѣ даже подробностей того, что ему говорилъ о. П—въ!.. Между тѣмъ... между тѣмъ, дѣло (объ аудиторіяхъ) нужно представлять совершенно наоборотъ, т. е. сказанное о внѣшнемъ видѣ собранія въ манежѣ Мраморнаго Дворца должно отнести къ залу Училища, а публику училищнаго зала—переселить въ манежъ. Такова обстоятельность въ отчетѣ интервьюера! Она просто комична и тѣмъ болѣе, что г. М—въ прежде, чѣмъ передавать бесѣду свою съ о. Петровымъ («это, по его словамъ, была, впрочемъ, не бесѣда, а скорѣе блестящая импровизація собесѣдника») предварилъ читателя такимъ рѣшительнымъ общаніемъ: «постараемся передать ее (бесѣду) съ *возможною точностію*»...

столько же и безъ него. Крѣпко увѣрены и въ томъ, что Златоустъ не помѣшалъ бы успѣху бесѣдъ и о. Петрова; отъ ссылокъ на него не померкла бы слава нашего петербургскаго оратора. И напрасно онъ, пастырь православной Церкви, пріимательно духовный сынъ Златоуста, такъ конфузится (по убѣжденію или противъ совѣсти, лишь бы угодить пѣвцамъ своего таланта) даже только произнести имя своего столь славнаго духовнаго отца, а тѣмъ болѣе сказать, что послѣдній для него, къ тому же, и *magister*.

Особо отмѣченъ у г. Розанова большой спросъ на книжки о. Петрова простымъ народомъ въ Мраморномъ Дворцѣ, но и это не исключительное явленіе. Бывали случаи, что народъ послѣ бесѣдъ отъ «Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія» раскупалъ тутъ же въ залахъ бесѣдъ по нѣскольку сотъ той или другой книжки.

Духовныя свои бесѣды о. Петровъ старается дѣлать не только назидательными, но и интересными вообще. Идеи свои онъ развиваетъ, главнымъ образомъ, на основаніи собственныхъ наблюденій надъ жизнью, на историческихъ фактахъ и явленіяхъ, на *авторитетѣ* мыслителей свѣтскихъ, до языческихъ включительно, — заимствуетъ нужныя ему доказательства изъ литературы русской и иностранной, приводитъ газетныя сообщенія, — словомъ, отовсюду беретъ онъ подходящій, по его мнѣнію, матеріалъ, изъ котораго и строитъ задуманное зданіе, и, нужно замѣтить, при постройкѣ выдерживаетъ свой стиль до мельчайшихъ подробностей. Одного лишь онъ и мелькомъ не касается, одно только игнорируетъ съ непобѣдимымъ упорствомъ, — это христіанскую Церковь и ея исторію. Для о. Петрова ихъ какъ бы и совѣмъ не существуетъ. Экскурсія въ міръ языческій, греко-римскій у него